

УДК 32

М.С. Колесов, д-р филос. наук, профессор*Севастопольский национальный технический университет**Студгородок, Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ЛЕНИН И СТАЛИН: «ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛИЗМА В ОДНОЙ СТРАНЕ»**

Рассматривается сталинская концепция «построения социализма в одной стране» соотносительно ленинской концепции «социализма».

Русская революция началась 23 февраля (8 марта) 1917 года в Петрограде как буржуазно-демократическая революция (буржуазно-демократической революцией была и «первая» русская революция 1905 года). В октябре 1917 года большевики во главе с В.И. Лениным, которые не принимали участия в «Февральской» революции (впрочем, как и в революции 1905 года), в результате «вооруженного восстания» в Петрограде фактически совершили *контрреволюционный переворот* («октябрьский переворот»). После этого, разогнав Учредительное собрание, они отвергли *русскую* буржуазно-демократическую революцию во имя *мировой* «социалистической революции». 25 октября 1917 года на заседании Петроградского Совета Ленин провозгласил: «Да, здравствует всемирная социалистическая революция!» Ленин в то время считал, что победа социализма связана, прежде всего, с *мировой революцией*. Он еще раньше определил два условия перехода к *социализму*: поддержка со стороны крестьянства и поддержка со стороны европейской революции. Этим надеждам не суждено было сбыться.

Как следствие этого в стране разразилась гражданская война, историческая уникальность которой заключалась в том, что по обе стороны фронта воевали противоборствовавшие силы *революции*. Ни одна из них не выступала (по крайней мере – политически) за реставрацию монархии! *Борьба шла между «Февралем» и «Октябрем»*, между «буржуазной демократией» и «пролетарской диктатурой». Победила «диктатура», *русская* буржуазно-демократическая революция потерпела поражение. Лозунги «свободы» были заменены лозунгами «классовой борьбы». «Октябрьский переворот» был переименован в «Великую Октябрьскую *социалистическую* революцию».

По этому поводу английский историк «большевистской революции» Эдвард Карр (1892-1982) писал о «жарких спорах» в то время между большевиками и меньшевиками о том, мог ли «курс Ленина» привести и привел ли к «социалистической цели», отмечая, при этом, что этот вопрос зависел от того, что подразумевалось под «социализмом». «Того, кто изучает документы раннего этапа Октябрьской революции, сразу же поражает, как редко, не привлекая особого внимания, появляются в них слова «социализм» и «социалистический» [1, с. 101-102].

В.И. Ленин в книге «Государство и революция», написанной им в 1917 году, накануне «октябрьского переворота», утверждал то, что *при социализме в с е будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял*. Согласно ленинской концепции, «социализм» означал, прежде всего, «отмирание государства». Промежуточная стадия перехода к «социализму» - «диктатура пролетариата», которая уже есть «полу-государство».

Именно эта ленинская концепция социализма была воплощена в первой советской Конституции РСФСР 1918 года, несмотря на то, что сам Ленин считал ее «временной»... *до скорой победы «мировой социалистической революции»*.

Диктатура пролетариата, как любая другая форма государства, была, по выражению Ленина, «особой *дубинкой*, *rien de plus*», цель которой – сломить и подавить эксплуататорские классы. Отсюда следовало, что власть, которой конституция облакает такое государство, по сути своей неограниченна, безраздельна и абсолютна [1, с. 128].

Поэтому советская Конституция не содержала признания «конституционных гарантий» или прав граждан *на защиту от государства*. Отсюда следовало, что она не признавала формального равенства прав: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Абсолютный характер государственной власти означал, что эта власть была не только неограниченной, но и безраздельной. Именно Ленин, считая отделение исполнительной власти от законодательной характерной особенностью презируемого им «парламентаризма», настаивал на их слиянии, как особом достоинстве советской системы. Поэтому логично, что это «слияние» вошло в Конституцию РСФСР. Юридически не было никаких функциональных различий между ВЦИК Съезда Советов и Совнаркомом.

«Термин «диктатура пролетариата», использованный большевиками для названия своего режима, не содержал каких-либо конституционных характеристик, определял господствующий класс, а не форму правления, с помощью которой этот класс осуществлял власть», – отмечал Э. Карр [1, с. 135].

Именно теоретически неопределенное, но принципиальное, положение о «диктатуре пролетариата» Конституции РСФСР сыграло определяющую роль в установлении в стране политического режима, который впоследствии будет назван «тоталитарным».

Ленин, по мнению Карра, мог бы повторить слова Робеспьера, который упразднил обычную законность как неспособную защитить революцию: *«Когда кризис вызван именно бессилием законов, можно ли определять с уголовным кодексом в руках, какие требуются меры для общественной безопасности?»* И далее: *«...Террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное; он, таким образом, есть порождение добродетели»*.

Впрочем, с Робеспьером был в свое время согласен и учитель В.И. Ленина – К. Маркс, который считал, что *«революционный терроризм» может сократить и упростить «агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества»* [1, с. 138].

Ленин, как известно, был противником индивидуального террора, но был совсем не против массового террора, особенно после прихода большевиков к власти. Сущность «классового террора» заключалась в том, что его жертвами становились люди не за конкретные преступления, а за принадлежность к определенным классам и сословиям.

Об этом пишет и современный английский историк Симон Себаг Монтефиоре в книге «Сталин: двор Красного монарха»:

«Революция без расстрельных команд, – якобы сказал Ленин, – не имеет смысла». Ильич всю жизнь расхваливал террор Французской революции, потому что его большевизм был уникальной верой и социальной системой, базирующейся на кровопролитии. ...Партия оправдывала свою диктатуру борьбой за чистоту веры. Свое Священное писание, марксизм-ленинизм, большевики считали научной истиной» [2, с. 98].

По мере того, как большевистская партия приобретала политическую монополию на власть, «диктатура пролетариата» переходила в диктатуру партии. Так был реализован тезис Ленина: *партия вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата*.

«Преобразование революционной партии в правящую – в истории явление стереотипное, — считал Карр. — В данном случае, «сомкнуть ряды было для партии, как и для всего народа, естественной реакцией на опасность, угрожающую стране». И нельзя было отделить Ленина, чья сила основывалась на моральном авторитете, – руководителя партии от Ленина – руководителя страны. Но это способствовало тому, что в партии, как и во всем государстве, сложилась традиция личного руководства» [1, с. 158].

В 1919 году Ленин заявлял: Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата.

Этот политический принцип приобрел организационное оформление на X съезде партии, в марте 1921 г., который явился началом роста могущества партийного аппарата. Новые принципы партийной дисциплины требовали, чтобы члены партии беспрекословно подчинялись решениям партии, как только они были приняты. В противном случае они подлежали высшему наказанию в виде исключения из партии. Это право исключения из партии вскоре перешло к ЦК. Состав аппарата ЦК увеличился от 30 человек до 602 человек. После X съезда в партии была проведена «чистка», которая, прежде всего, коснулась интеллигенции и «старых большевиков». В апреле 1922 г. на XI съезде партии был избран новый Секретариат ЦК, И.В. Сталин назначен «генеральным секретарем», то есть руководителем партийного аппарата.

Следует обратить внимание, что все эти мероприятия партийной жизни произошли при активном участии В.И. Ленина. Однако, через два месяца, 26 мая 1922 г., у Ленина случился приступ, который навсегда лишил его трудоспособности и контроля над партийной жизнью.

Эти два события, как отметил Карр, обозначили новую эпоху в истории партии. Острые разногласия, вспыхнувшие летом и осенью 1923 г., приняли форму откровенной борьбы за власть, за полный контроль не только над партией, но и над государством. Эти обе функции, которые объединил сам Ленин, теперь были неразделимы. «Сначала партия поглотила государство, теперь государство поглотило партию» [1, с. 176].

Партия фактически взяла на себя роль государства. В государственных органах управляли те же люди, которые принадлежали к руководству партии. Всероссийский съезд Советов «царствовал», но не правил. Совнарком вскоре вышел из под контроля ВЦИК. Таким образом, власть партии была провозглашена над всей системой управления. Главная роль партии при окончательном определении политики была обеспечена верховной властью Политбюро. Политбюро стало единственным субъектом главных политических решений, которые осуществлялись через государственную машину. В деле управления комиссариаты подлежали контролю народного комиссариата Рабоче-крестьянской

инспекции, а через него – контролю Центральной Контрольной Комиссии партии. Упраздненная в феврале 1922 года ВЧК была заменена ГПУ, которое вскоре было переподчинено партии (ЦК) и выполняло уже прямо политические карательные функции. Произошло объединение работы ГПУ и Центральной Контрольной Комиссии ЦК.

Резкий политический поворот в Советской России произошел после смерти Ленина и был осуществлен Сталиным, который, уничтожив ленинское руководство большевистской партии «мировой революции», получил полный контроль над партией и государством. Это оказалось связано с провозглашением победы «социалистической революции» в СССР, что противоречило принципам классического марксизма.

Л.Д. Троцкий в книге «Моя жизнь» назвал Сталина «философом социализма в одной стране». Он заметил, что теория «социализма в отдельной стране», впервые выдвинутая Сталиным осенью 1924 г., (после поражения революции в Германии) родилась в борьбе против концепции «перманентной революции». Суть этой теории: не спешить с индустриализацией, не ссориться с «мужиком», не рассчитывать на «мировую революцию» и, прежде всего, укреплять «единство партии», т.е. оградить партийное руководство от критики со стороны «оппозиции». Принципы партийного единства и партийной дисциплины теперь приобретали государственный смысл.

Позже Троцкий признавал, что теория о «построении социализма в отдельной стране» – «*не просто сталинская выдумка*». Она безошибочно выразила настроения победившей советской «бюрократии». Н.И. Бухарин пытался обосновать эту новую теорию теми аргументами, «что из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, что мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе». Но эта иллюзия социализма, который «черепашьим темпом» строится на нищенской базе, продержалась недолго. Вскоре была признана необходимость в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран. Сталин заявил: социализм может победить только на базе высокой производительности труда, более высокой, чем при капитализме. Вслед за этим пришлось отказаться и от бухаринской идеи «врастания кулака в социализм». Разгром кулачества дал в 1931 г. теории «социализма в отдельной стране» новое дыхание: раз классы «в основном» уничтожены, значит, социализм «в основном» осуществлен.

Главная идея Сталина состояла в том, что к вопросу о темпе хозяйственного развития страны незачем припугивать международный фактор, «извне нам угрожает только интервенция». Поэтому он неожиданно выдвинул идею ускоренной «индустриализации», исходя из того, что: «либо мы этого добьемся, либо нас затрут» [4; II, с. 244]

Но попытка установления социалистических форм собственности в отсталой стране натолкнулось на недостаточный уровень техники и культуры. Именно «Октябрьская революция» породила противоречие между низкими национальными производительными силами и социалистической собственностью.

Троцкий предупреждал, что *социалистическое государство не может мирно врасти в мировую капиталистическую систему*. Именно отказ от «мировой революции» в пользу утопической, с его точки зрения, теории «построения социализма в одной стране» он считал *предательством* революции, следствием которого явилось утверждение в стране «диктатуры бюрократии», которую воплощал Сталин.

Почему победил Сталин? – спрашивал Троцкий.

Приход Сталина к власти он назвал «советским термидором» (по аналогии с французской революцией XVIII века). Советская бюрократия, первоначально выдвинутая пролетариатом, после гражданской войны начинала чувствовать себя «третьей судьей между классами». Самостоятельность ее возрастала. Она становилась тем увереннее в себе, чем более падала вера масс в «мировую революцию». Бюрократия все выше поднималась в качестве единственного «маяка спасения». В этом была цель борьбы с «оппозицией». «*Довольно потрясений! Мы заслужили право отдохнуть. Мы сами у себя создадим социалистическое общество*».

Наивно было бы думать, утверждал он, будто Сталин «вышел внезапно из-за кулис во всеоружии законченного стратегического плана». Бюрократия нашла его самого. У Сталина она обнаружила все нужные «гарантии». Успех, который на него обрушился, был для него неожиданностью. «Второстепенная фигура» революции, Сталин проявил себя, как бесспорный вождь «термидорианской бюрократии» [3, с. 481].

В своей двухтомной книге «Сталин», над которой он работал перед смертью, Троцкий утверждал, что Сталин не был «трибуном, стратегом или вождем восстания», а был «бюрокрatom революции». Сталин так и не понял до конца внутренней логики «Октябрьского переворота». Тем не менее, он свидетельствовал, что в 1917 г. Сталин стал «признанным членом штаба партии, которую массы несли к власти», играя при Ленине роль «начальника штаба или чиновника по ответственным поручениям». Тогда «он перестал быть Кобой, став окончательно Сталиным» [4, I; с. 323].

Три года гражданской войны создали в советском государстве широкий слой администраторов, привыкших командовать и требовать безусловного повиновения. В обстановке гражданской войны сформировался Сталин и та группа советских руководителей, которая установила его личную диктатуру. Затем его важной опорой стала новая «бюрократия национальных меньшинств», которую он приобрел, благодаря его пребыванию на посту «наркомнаца».

Троцкий называл этих «сталинистов» фракцией «национал-социалистических чиновников», «незаконных наследников Октября», «эпигонов большевизма». Он вспоминал, что 1923 год стал первым годом напряженного, но еще бесшумного удушения и разгрома большевистской партии. «По существу это была борьба с идейным наследием Ленина». У нового правящего слоя скоро оказались свои идеи, свои чувства и свои интересы. Так вырастал новый привилегированный слой. Теперь он воплощал в себе революцию, он защищал ее: централизация власти объявлялась необходимым условием спасения революции. «Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции. Такова разгадка советского Термидора».

Подготовку к XIII съезду Троцкий назвал «заговором эпигонов».

Он заявлял, «при помощи ряда косвенных улик», что Сталин содействовал ускорению смерти Ленина, так как появление Ленина на предстоящем съезде партии означало бы устранение Сталина с поста генерального секретаря и тем самым его политическую ликвидацию [4, II; с. 253].

Теперь партия сохраняла в глазах Сталина ценность, лишь как покорная опора для аппарата: Центральный комитет – все, партия – ничто. После смерти Ленина был объявлен «ленинский набор». Как писал Троцкий, «ворота партии, всегда тщательно охранявшиеся, были теперь открыты настежь». «Ленинский набор» нанес смертельный удар партии Ленина. Демократический централизм уступил место бюрократическому централизму, который «неизбежно ведет к личной диктатуре». «Партия оказалась обреченной на молчание. Воцарился режим чистой диктатуры аппарата над партией. Другими словами: партия перестала быть партией».

В приближении XV съезда, конец 1927-го года, партия оказалась на «историческом перекрестке». XV съезд партии исключил из партии всех оппозиционеров. Исключенные поступили в распоряжение ГПУ. «Чего Сталин, эта выдающаяся посредственность, никогда не прощал никому, это – духовного превосходства», отмечал Троцкий. Он называл его «упорным эмпириком, лишенным творческого воображения». В связи с этим он напомнил слова Фридриха Энгельса о Веллингтоне: *«Он велик в своем роде, а именно настолько, насколько может быть великим, не переставая быть посредственностью»* [4, II; с. 168].

Симон С. Монтефиоре по этому поводу высказывается несколько иначе:

«Сталинский орден меченосцев был больше похож на средневековый орден тамплиеров или даже на теократию иранских аятолл, чем любая другая светская организация на земле». Его фанатизм «был почти исламским», а «мессианская самовлюбленность» не знала границ. «Трудно найти лучший синтез между человеком и движением, чем был у Сталина и большевизма: в этом зеркале отражались его добродетели и недостатки» [2, с. 99].

«Партия оправдывала свою диктатуру борьбой за чистоту веры. Свое Священное писание, марксизм-ленинизм, большевики считали научной истиной». Для большевиков любое колебание считалось изменой. Поэтому они ценили твердость, которую видели у Сталина: Сталин подчинил себе волю соратников, но они, с другой стороны, в подавляющем большинстве случаев были полностью согласны с принимаемыми им решениями.

Вопреки Троцкому Монтефиоре считает, что Сталин вовсе не был «ужасным бюрократом и аппаратчиком», а был «прирожденным организатором». Он никогда не импровизировал, а тщательно взвешивал принимаемое решение. Он отличался «феноменальной работоспособностью». Но «настоящая гениальность» Сталина заключалась в том, что «он обладал огромным обаянием». Он был тем, кого принято называть «человеком из народа». Он умел, как никто другой, расположить к себе человека и сделать его своим преданным другом. Сталин обладал вспыльчивым характером и часто выходил из себя, но, если ему было необходимо завоевать чье-то доверие, он был «неотразим».

Сталин все знал о соратниках и близких друзьях. Он прекрасно умел обращаться со своими соратниками и знал их сильные и слабые стороны. Монтефиоре считает, что «советская элита» походила на «служилое дворянство средних веков, привилегии которого зависели, главным образом, от степени их преданности сюзерену».

Однако Троцкий отмечал, что те, кто «калялись» и заверяли в «верной службе», даже если они были бескорыстны и искренни, не могли заставить себя верить, что Сталин – «отец народов». Но они понимали, что в его руках власть и что он охраняет «наследие» Октябрьской революции. Ради этой политической цели они жертвовали своей личностью. Но это их не спасло, потому что Сталин не верил им. Он знал, что они не считают его «великим человеком», а только человеком, занимающим «великое место». Поэтому он ненавидел их. Ему нужен был только повод, чтобы уничтожить их и отомстить за свою посредственность. «Опасных свидетелей надо было устранить» [4, II; с. 263].

Но было и другое соображение, по мнению Троцкого, определившее политическую психологию Сталина. Одновременно с уничтожением оппозиции шла «перестройка» его биографии: ему приписывались черты, которых он не имел, качества, которыми он не располагал, подвиги, которых он не совершал. Троцкий описывал, как постепенно создавалась «целая наука» фабрикации искусственных репутаций, сочинения фантастических биографий, рекламы вождей по назначению. Особое место, например, в этой «науке» было посвящено вопросу о «почетном президиуме».

В своей «политической биографии» Сталина, сравнивая его с Муссолини и Гитлером, как «инициаторами движения, исключительными агитаторами, трибунами», Троцкий отмечал совершенно иной характер возвышения Сталина. «У него как будто нет предыстории. Процесс восхождения совершался где-то за непроницаемыми политическими кулисами. Серая фигура неожиданно отделилась в известный момент от кремлевской стены – и мир впервые узнал Сталина как готового диктатора» [4, II; с. 144–145].

Когда «кочевники революции перешли к оседлому образу жизни», они превратились в «самодовольных чиновников». Этот процесс Троцкий назвал «законченным организационным переворотом», «главным орудием» которого был Сталин.

В определенном смысле Троцкий признавал, что сталинизм вырос из «старой» большевистской партии: «формы, обрядность, фразеология, знамена остались до некоторой степени старые» как «внешняя шелуха». Но существо же изменилось в корне. Пропасть между сталинизмом и большевизмом гораздо больше, чем когда-то была бы между большевизмом и меньшевизмом. Поэтому сталинизм был вынужден истребить всю большевистскую партию. Так произошло окончательное перерождение партии.

Это показали «Московские процессы» по бывшим соратникам Сталина, смысл которых, по мнению Троцкого, «никто не понимал», так как опасность «оппозиции» была явно преувеличена. Он предполагал, что, вероятно, сам Сталин не предвидел тех последствий, к каким это приведет. Возможно, его главная политическая цель состояла в том, что дело ограничится истреблением нескольких наиболее ненавистных противников. Однако он не рассчитал силу удара. «Он затронул ножом жизненные ткани правящего слоя. ...Сталину пришлось вокруг кружка очертить ножом следующий концентрический круг большого радиуса...» [4, II; с. 287].

Каждое недовольство, каждое сближение между собой недовольных, критика и рассуждение о том, что сделать, как приостановить пагубную политику правительства, есть с точки зрения Сталина, заговор. И при тоталитарном режиме, несомненно, всякая оппозиция является эмбрионом заговора.

В результате оказалось, что из девяти членов ленинского Политбюро, за исключением Сталина и Ленина, все оказались «агентами иностранных государств». Красную армию возглавляли «изменники»: Троцкий, Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Гамарник, Муралов, адмирал Орлов и другие. Советские дипломаты: Раковский, Сокольников, Крестинский, Карахан, Юренев, Богомолов и другие были «врагами народа». «Организаторами саботажа» в промышленности, на железных дорогах и в финансах стали их руководители: Пятаков, Серебряков, Смирнов, Лифшиц, Гринько и другие. Коминтерн оказался в руках «фашистов»: Зиновьева, Бухарина и Радека. «Иностранцами шпионами» становились глава правительства Рыков и большинство народных комиссаров. «Агентами империализма» оказались все главы советских республик, руководители ГПУ. Глава «политической полиции» партии Г. Ягода был организатором всех преступлений.

«Под этой картиной нужно поставить подпись мастера: Иосиф Сталин», — восклицал Троцкий [4, II; с. 280–281].

Он напомнил, что еще Ленин в свое время признавал: наша марксистская партия при отсутствии мировой революции держится на честном слове, — и допускал, что при известных условиях привычка партии к авторитетному руководству может повернуться своим острием к самой партии.

Троцкий считал Сталина диктатором не силою своей личности, а силою аппарата.

Из Политбюро эпохи Ленина остался, в конце концов, один Сталин. Новые члены Политбюро ранее в истории партии и революции играли второстепенные роли. «В большинстве своем это были люди, уже истощенные революцией». Но теперь беспощадно действует партийное правило, согласно которому Политбюро всегда право, и никто не может выступить против Политбюро. Но и Политбюро не может выступить против Сталина, который не может ошибаться. Политбюро быстро теряло свое значение. Главным источником власти становилась близость к вождю.

После Семнадцатого съезда заседания Политбюро проходили все реже и реже. Зачастую они сводились к встречам Сталина с двумя-тремя соратниками. Остальных членов Политбюро секретарь Сталина изредка обзванивал позже. Они заочно участвовали в принятии решений, голосуя, естественно, так же, как вождь.

Сам Троцкий не был столь наивным, чтобы не понимать, что оперировать в политике отвлеченными моральными критериями — заведомо безнадежная вещь. Политическая мораль вытекает из самой политики, является ее функцией.

Он утверждал, что личные черты характера Сталина позволили ему стать «сознательным орудием новой советской аристократии, и они побудили эту аристократию увидеть, признать в Сталине своего вождя». «От партийной демократии остались одни воспоминания в памяти старшего поколения». Теперь над всем и всеми неограниченно господствует «тоталитарный» режим иерархии партийных секретарей. Верхушка успела превратиться в несменяемую и неприкосновенную «олигархию», подменившую собою класс и партию. ГПУ стало решающим фактором во внутренней жизни партии. «Старая большевистская партия мертва, и никакие силы не воскресят ее».

«Власть Сталина представляет собою современную форму цезаризма, — писал в 1937 году Троцкий. — Она является почти незамаскированной монархией, только без короны и пока без наследственности. ...В начале XX века маленькая Грузия навязала Москве своего собственного царя» [4, I; с. 15].

Однако Симон С. Монтефиоре пишет: «Куль личности расцвел в Советском Союзе таким пышным цветом, что слово великого Сталина было законом во всем и для всех. ...Но террор... не был результатом деятельности одного Сталина. Конечно, в большей его части повинен и он со своими комплексами и ненавистью к врагам и соперникам. Но у соратников вождя руки тоже были по локоть в крови. Они все время уговаривали его уничтожить все больше и больше врагов. Это были жестокие люди». Английский историк, опираясь на заграничный архивный материал, утверждает, что ответственность за террор и репрессии лежит на сотнях тысячах чиновников, которые приказывали и проводили расстрелы. «Аппаратчики в большинстве случаев перекрывали цифры разнарядок». Соратники не так уж и не понимали природу и характер Сталина, как утверждали позже.

Отмечая удивительную откровенность Сталина со своим ближним кругом относительно истинной цели репрессий, Монтефиоре, обращает внимание на то, что Вождь все время сравнивал террор с резней бояр, которую устроил три с лишним столетия назад Иван Грозный:

«— Кто вспомнит эту шваль через десять или двадцать лет? — саркастически усмехался он. — Никто. Кто сейчас вспомнит имена бояр, от которых избавился Иван Грозный. Тоже никто. Люди должны были знать, что он избавился от всех врагов. В конце они все получили по заслугам.

...Иван Грозный убил слишком мало бояр, ...Он должен был казнить всех бояр и создать новое государство» [2, с. 246].

Сталин говорил Берии: «Врагом народа является не только тот, кто устраивает акты саботажа, но и тот, кто сомневается в правильности партийной линии. Таких много и мы должны их ликвидировать» [2, с. 259].

Именно в 1937 году, после «резни» старых чекистов и высшего командного состава Красной армии, Сталин становится абсолютным диктатором. Но даже после этого ему была необходима поддержка соратников. В «кровавые командировки» по стране ездили все партийные вожди: Жданов, Каганович, Микоян, Молотов, позже Хрущев. Два «наиболее страшных монстра Большого террора»: Андреев и Маленков. «Свита вождя энергично поддерживала Большой террор. Даже спустя несколько десятилетий, эти фанатики продолжали защищать самого массового убийцу в истории человечества. «Я несу ответственность за репрессии и считаю их правильными, — говорил Молотов. — За террор отвечают все члены Политбюро. 1937 год был неизбежен» [2, с. 270].

21 декабря 1937 года на праздновании юбилея ВЧК-ОГПУ-НКВД в Большом театре Анастас Микоян выступал с докладом: «Перенимайте сталинский стиль работы у товарища Ежова так же, как он перенимал его у товарища Сталина». «Каждый гражданин СССР обязан всемерно помогать НКВД!».

Вместе с тем Троцкий отмечал, что полицейская монолитность партии повлекла за собою бюрократическую безнаказанность, которая стала источником всех видов распушенности и разложения. Перерождение партии стало причиной и следствием бюрократизации государства. В Советском Союзе сформировалась централизованная и совершенно независимая от народа правящая иерархия. Подбор шел сверху вниз. Верхний слой бюрократии жил так, как крупная буржуазия капиталистических стран, провинциальная бюрократия — как мелкая буржуазия. Бюрократия создала вокруг себя опору в виде рабочей аристократии [4, II; с. 213].

Признавая «беспримерные в истории успехи», достигнутые страной за два десятилетия как результат централизованного характера народного хозяйства, он задавал вопрос:

Действительно ли в СССР осуществлен социализм?

В своей работе: «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?», которая впервые вышла в свет за границей в 1936 году, [здесь книга «Преданная революция» цитируется по электронному изданию], Лев Давидович Троцкий поставил это утверждение Сталина под сомнение: *если считать, что задачей социализма является создание бесклассового общества, основанного на солидарности и гармоническом удовлетворении всех потребностей, то в этом основном смысле в СССР социализма еще нет и в помине.*

И утверждал, что в СССР далеко не достигнута еще и первая стадия социализма.

К концу второго десятилетия своего существования советское государство, вопреки предсказаниям Ленина, не только не «отмерло», но и не начало «отмирать». Напротив, оно разрослось в «еще небывалый в истории аппарат принуждения». Как заявлял Троцкий, *трудно представить себе контраст, более разительный, чем тот, какой существует между схемой рабочего государства по Марксу-Энгельсу-Ленину и тем реальным государством, какое ныне возглавляется Сталиным*. Маркс не предвидел пролетарской революции в отсталой стране. Ленин не предвидел столь длительной изолированности советского государства.

«Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества».

Существование советского государства, как аппарата принуждения, оправдывалось тем, что нынешний «переходный строй» еще полон социальных противоречий. Но поэтому победу социализма, как утверждал Троцкий, нельзя назвать еще ни окончательной, ни бесповоротной. Основой власти советской бюрократии являлась бедность общества. Советское общество, по условиям повседневной жизни, делилось на обеспеченное и привилегированное меньшинство и «прозябающее в нужде» большинство. Именно на «верхах бюрократии» очень высокий процент составляют «малокультурные выскочки, считающие, что им все позволено».

Вместе с тем он утверждал, что в СССР «неизмеримо хуже» обстоит дело в области общественных наук. Экономисты, историки, статистики, журналисты были озабочены тем, как бы ни впасть в противоречие с сегодняшним «зигзагом» официального курса. Марксистская продукция не выходит за пределы «схоластических компиляций», которые «перетасовывают старые цитаты, сообразно потребностям административной конъюнктуры».

Главное обвинение Троцкого Сталину в «предательстве революции» – это поворот советской бюрократии *«от мировой революции - к status quo»*.

Перерождение правящего слоя в СССР не могло ни сопровождаться соответственным изменением в международной политике, целей и методов советской дипломатии. Концепция «социализма в отдельной стране» означала стремление освободить советскую внешнюю политику от программы «мировой революции». Коминтерн превратился в аппарат советской внешней политики. Предательством идеалов «мировой революции» считал Троцкий вступление СССР в Лигу наций. Предав мировую революцию, «термидорианская бюрократия» главные свои усилия направила на то, чтоб «нейтрализовать» буржуазию. Что может быть, в самом деле, лучше «вечного пакта о взаимном ненападении между социализмом и капитализмом»?

Так, Сталин в интервью американскому журналисту Рою Говарду заявил, что планов и намерений насчет мировой революции «никогда не было» и назвал это «трагикомическим недоразумением». *Экспорт революции, это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведет свою революцию, а если не захочет, то революции не будет*.

Между тем военную опасность для СССР Троцкий рассматривал как один из доводов против «утопии изолированного социалистического общества».

Во время войны проверка совершается непосредственно на полях сражений. *Социальный режим, обеспечивающий более высокий уровень богатства и культуры, не может быть опрокинут штыками*. Опасность войны и поражения в ней СССР он считал «реальностью». Если революция не помешает войне, то война поможет революции. «Не статус-кво, а Социалистические Соединенные Штаты Европы!»

Итак, что такое СССР? – спрашивал в 1936 году Троцкий.

В промышленности почти безраздельно царила государственная собственность на средства производства. Новая конституция (1936 г.), отождествлявшая бюрократию с государством, а государство – с народом, гласила: «государственная собственность, т.е. всенародное достояние». Но свободный труд несовместим с существованием бюрократического государства. Однако, исходя из «опытов фашистской экономики», он был не склонен называть это «государственным капитализмом» так как «никто точно не знает, что собственно он означает».

Своей посреднической и регулирующей функцией, эксплуатацией государственного аппарата в личных целях советская бюрократия, по мнению Троцкого, была похожа на всякую другую бюрократию, особенно – на фашистскую. Но у нее были и отличия. Ни при каком другом режиме, кроме советского, бюрократия не достигала такой степени независимости. Она есть единственный в полном смысле слова привилегированный и командующий слой в советском обществе. Овладение ею политической властью в стране, где средства производства принадлежали государству, означало, что государство как бы принадлежит бюрократии.

Крушение советского режима неминуемо привело бы к крушению планового хозяйства и, тем самым, к упразднению государственной собственности. Падение нынешней бюрократической диктатуры, без замены ее новой социалистической властью, означало бы, таким образом, возврат к капиталистическим отношениям, при катастрофическом упадке хозяйства и культуры, - удивительно точно прогнозирует Троцкий.

По его мнению, бюрократия, как политическая сила, изменила революции. «Октябрьская революция предана правящим слоям, но она еще не опрокинута».

В итоге он задавался вопросом: *куда идет СССР?*

«Бонапартизм – режим кризиса». Поэтому Троцкий считал, что все более назойливое обожествление Сталина являлось, при всей своей «карикатурности», необходимым элементом режима. И в Сталине каждый без труда находил себя. *Сталин есть персонификация бюрократии: в этом и состоит его политическая личность.*

В 1936 году Троцкий считал, что вопрос о характере СССР еще не решен историей.

Он гениально предсказал развитие событий при возможном уничтожении СССР:

Если... правящую советскую касту низвергла бы буржуазная партия, она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов. ...Главной задачей новой власти было бы..., восстановление частной собственности на средства производства. Несмотря на то, что советская бюрократия многое подготовила для буржуазной реставрации, в области форм собственности и методов хозяйства новый режим должен был бы произвести не реформу, а социальный переворот.

Сегодня после 70 лет с выхода «Преданной революции» Л.Д.Троцкого, можно оценить его критику с исторической точки зрения. Многие его оценки ситуации в Советском Союзе 20-30-х годов, личности и роли Сталина, в той или иной мере, подтверждены современными исследователями. Хотя концепция «мировой социалистической революции» самого Троцкого (Маркса-Ленина), с позиций которой велась его критика Сталина, уже стала политическим анахронизмом. Да и само понятие «социализма» в течение XX века существенно изменилось.

Но Троцкий оказался исторически неправ, обвинив Сталина в «предательстве революции». Сталин *не предавал* «Великой Октябрьской социалистической революции»! Он ее реализовал *по своему* в предложенных ему обстоятельствах. Ленинский проект «мировой социалистической революции» не удался. Тогда других вариантов спасения «пролетарской революции» и сохранения «советской власти» не было предусмотрено. В условиях гражданской войны произошло естественное объединение «Советов» и большевистской партии, что дало уникальный исторический симбиоз «Советской власти». «Советы» изначально возникли как орган «диктатуры пролетариата», а партия большевиков («Коммунистическая партия») отличалась от «социал-демократии» (РСДРП), прежде всего, своим организационным принципом «демократического централизма», т.е. *партийной диктатуры*. Так «Советская власть» интегрировалась в систему *партийной диктатуры*.

Отвергнув ленинскую мечту о «мировой» социалистической революции, Сталин в полной мере осуществил идею Ленина о превращении советского государства («полу-государства») в политическое орудие «диктатуры пролетариата», т.е. диктатуры большевистской партии. Социальные издержки (международная изоляция, репрессии, «культ личности» и пр.) реализации этой идеи были исторически неизбежны. Социализм в отдельно взятой стране, т.е. в СССР, можно было «построить» только в условиях политической диктатуры. Таким образом, СССР явился легитимным наследником «Октябрьской революции», а Сталин по своему воплотил «заветы» Ленина.

После уничтожения буржуазии и крестьянства («кулачества») в СССР «пролетарская диктатура» естественно перешла в форму *партийно-бюрократической диктатуры*. «Советская власть» неизбежно трансформировалась в *партократию*. Эта политическая эволюция была исторически обусловлена, т.е. безальтернативна, поэтому аксиологический подход здесь неуместен. «Партократия» – неперенный атрибут социалистической политической системы. «Демократический социализм» - это политический нонсенс, как, например, «монархическая республика».

Но, родившись все-таки в лоне «мировой социалистической революции», СССР для того, чтобы «выжить», должен был стать «мировой державой» (и оставаться ею «любой ценой»). Потому, что социализм – это не альтернатива капитализму, а его *антипод*. Победа во Второй Мировой войне убедительно показала, что Сталину удалось реализовать и эту историческую задачу. Однако *сталинский социалистический проект* стал разрушаться после его смерти как следствие ускоряющегося распада созданного им режима партийной диктатуры. Одновременно СССР стал сдавать завоеванные позиции «мировой державы», как космический корабль, теряющий скорость, необходимую для удержания на высокой орбите. В конце концов, советский «социализм» был скомпрометирован врагами и «друзьями» и потерпел поражение в «холодной войне».

После «августа 1991 года» все произошло так, как предсказал за 55 лет Лев Троцкий. «Партократия», став фактически правящим «классом», осуществила свержение «советской власти». «Октябрьская революция» 1917 года завершилась «Октябрьской контрреволюцией» 1993 года.

Однако «распад» СССР, как «большевистского проекта», не означает **поражения Русской революции 1917 года**. Напротив, произошло *возвращение России к «февральской» буржуазно-демократической революции*, которая, как сегодня ясно, имела в свое время реальную историческую

перспективу. Русская революция, как и Великая Французская революция, пройдя через свою «наполеоновскую» стадию, вернулась к Республике. Это – историческая закономерность.

Библиографический список

1. Карр Эдвард. История советской России. Большеви́стская революция 1917-1923 / Эдвард Карр. — М.: Прогресс, 1990. — Кн. 1. — Т. 1-2. — 768 с.
2. Монтефиоре Симон С. Сталин: двор Красного монарха / Симон С. Монтефиоре. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 767 с.
3. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии / Л.Д. Троцкий. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. — 608 с.
4. Троцкий Л. Сталин / Л. Троцкий. — М.: «Терра»-«Тетра», 1990. — Т. 1, 2. — 323 с, 301 с.

Поступила в редакцию 19.03.2007 г.